

ДОМ МУДРОСТИ

4 февраля исполняется 135 лет со дня рождения Михаила Михайловича Пришвина¹.

Мальчиком Миша Пришвин, учась в Елецкой гимназии, настроился бежать «в Азию» - с рождения в человеке бродила закваска путешественника-ходока, что позже и подтвердилось.

Учился Михаил Пришвин в Лейпцигском университете на факультете философии, где обучались и агрономии. Работал несколько лет агрономом, написал две книги по землепользованию, но понял, что делает в жизни не свое дело - душа по-прежнему рвалась «в Азию». И на 33-м году жизни с дорожным мешком за плечами поехал Пришвин на Север, в олонечские земли собирать сказки и образцы говора местных народов. Нашел всё, что искал. Но главным были заметки о жизни и природе дальнего края России, помещенные в книгу «В краю непуганых птиц». И сразу имя Пришвина стало известным. А путешественник догадался, что нащупал свою тропинку в литературе и жизни.

Надежды сбылись по самому крупному счету! В молодости все легки на подъем, и Пришвин стремился поначалу в края непуганых птиц - побывал в Средней Азии, на Дальнем Востоке, еще раз на Севере, на Урале, в Крыму. Но постепенно география сужалась, и Пришвин находил пищу для работы души в Центральной России - побывал в костромском «болотистом низменном крае», в местах некрасовского Мазая; жил на Плещеевом озере; посетил озеро Светлояр и «староверческую» речку Керженец. И все чаще стал задерживаться на лесных болотах возле Талдома и Загорска (Сергиев Посад). Тут сюжетом для его путешествий служила охота и разговоры в загорском трактире - своеобразном клубе здешних «ружейников».

Но постепенно «ходока по болотам» стали посещать мысли о крайней неустроенности быта: «Как я живу! Комары, ночлеги в случайных избах, куда нередко с моими собаками не пускают. Своё бы устроенное гнездо».

Попробовал устроить гнездо на кочевой лад - завел грузовик с кузовом, где размещались припасы, лежак для сна, печурка, даже фотолаборатория. Испробовав этот дом на колесах, сначала был рад, но скоро понял: гнездо не получилось и, продав кочевой дом, «почувствовал облегчение».

В Загорске, «поближе к болотам», был куплен домишко, и Пришвин поначалу был им доволен. Но частые наезды в Москву требовали времени, и

¹ Очерк опубликован в 2008 году в трех выпусках «Окна в природу» 31.01, 4.02, 7.02.:

WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/24049.3/102361/>; WWW.KP.RU:

<https://www.kp.ru/daily/24045.3/100324/>; WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/24041.3/98456/>

негде было в столице преклонить голову, приходилось в тот же день возвращаться в Загорск.

Мысли о житье в Москве неожиданно разрешились. Перед войной Пришвин был уже известным писателем, награжден был орденом, получил большую квартиру. На радостях решил «жить городской культурой»: театры, библиотеки, концерты (всю жизнь страстно любил музыку). Всё как будто бы хорошо, но стало не хватать главного - природы. Друзья посоветовали жить летом в Пушкине - к северу от Москвы. Попробовал. Но леса тут уже были изрядно вытоптаны и замусорены - с ружьем нечего было делать.

Так постепенно судьба привела его в селенье Дунино близ Звенигорода, в верховьях Москвы-реки. Место очаровало. Леса кругом не порушены. И вот в конце первой зимы, уже в марте, Пришвин стал поглядывать на градусник, слушать сводки погоды - «Когда же в Дунино?!» И потом уже каждый год - зимой житье в Москве, а с начала апреля до конца октября - в деревне. Последнее семь лет, прожитые в Дунино, Пришвин считал самыми счастливыми в жизни.

ДОМ Пришвина - это не только жилище под крышей, это мир, отвечавший строю души избравшего его человека. Дунинский дом (ныне музей-заповедник, точнее, филиал Государственного литературного музея) стоит в лесу на высоком склоне к Москве-реке. Особая ценность этого уголка сбереженной природы в том, что все тут одухотворено отблеском жизни человека, лес для которого был местом, где хорошо работалось, где жить было радостно, где рождались мысли полубившихся нам произведений писателя. Каждое дерево, каждый куст обласкан его взглядом, всё тут будило чувства и сокровенные мысли. Вот муравейник на склоне, где Пришвин подолгу сидел на скамейке, вот пенёк, к которому приделана стойка с дощечкой, к ней Пришвин прислонялся спиной, опускаясь на это «венское кресло» с записной книжкой. Вот тропка к реке. Пришвин любил провожать вечернее солнце - выходил из леса на берег наблюдать, как светило, багровое и странно большое, катилось за горизонт над заречным селом. Я знал еще одного старика на Угре, он каждый вечер просил внуков выносить для него к реке стул - «наблюдать заход солнца». Замечено также: птицы смолкают в момент заката и, сидя на верхушках деревьев, в неподвижности наблюдают момент, когда день сменяется ночью.

Я езжу в Дунино после кончины Пришвина уже много лет. Раньше тут, в верховьях Москвы-реки, все было иначе. К лесу подступало поле, то желтое к осени от хлебов, то малиновое от клевера. Кричали у реки чибисы, в лесу у берега барабанили дятлы, шуршали белки. Деревенька Дунино примыкала к усадьбе. Кричали тут петухи, паслись телята на привязи, иногда зимой в лесу у дома Пришвина оставляли следы зайцы или лисица. Сейчас Дунино окружено трехэтажными домами из добротного кирпича, огороженными дорогими заборами. Музей-усадьба выглядит островком, на который входная

калитка открыта для всех сюда приходящих - за лето с разных уголков страны тут бывают более пяти тысяч читателей-почитателей Пришвина. «Он научил меня понимать в жизни высшую ценность», - пишет один в гостевой книге музея.

Совсем недавно я узнал, как близко подкатилась к Дунину в 41-м году война. Нейтральной полосой была тут Москва-река. Немцев хорошо было видно на той стороне. А на этом лесном берегу деревья посечены в то время осколками снарядов, «опушка была оцеплена колючей проволокой», - рассказывает местный житель. А вот что находим у Пришвина: «Семь сестер-берез в одной кучке... Раненый (тут солдат) был в таком состоянии, что его приняли за мертвого и выкопали могилу... Но раненый показал признаки жизни, и санитары его унесли, могила осталась раскрытой, в нее налетели семена берез, и потом из множества уцелело и выросло семь сестер...» Так и видишь Пришвина в тени этих деревьев, со вздохом вспоминающего лихолетье.

В годы войны Михаил Михайлович жил в Усолье за Переславлем-Залесским. Дунина тогда он еще не знал. Между тем дом, приютивший его в 1947 году, войной был совершенно растрёпан - окна без рам, в комнатах горы снега... Свои писания в доме Пришвин начал под стук топоров ремонтёров, соорудив для себя кривоногую табуретку из спила пня и с ножками из еловых сучьев.

И сразу бывалый охотник начал осваивать местный лес, уходил в него с ружьем и собакой, попросил у лесников карту квартальных сеток - наносил на неё места, «где водились грибы». Одевался он по-крестьянски в стеганую фуфайку. Отдыхавшие из местного санатория однажды к нему обратились: «Дедушка, а где же растет так много грибов? Расскажите, мы вам заплатим». «Дедушка», улыбнувшись, повел «плюшевых дам» в местечко, еще как следует им не обшаренное.

Житье в Дуние было самым счастливым временем жизни Пришвина. Причин этому много. «Мы сживаемся с Дуниным и делаем из него мало-помалу родину», - записано в дневнике. В Хрущово (вблизи Ельца), где прошли детские годы, Пришвин не ездил ни разу - знал, от имени родителей ничего, кроме заросшего прудика, не осталось. Хрущово расположено было в тех же местах, где жил Иван Бунин. Об этом землячестве Михаил Михайлович говорил: «Бунин - сын малокровного дворянина, а я сын радостного лавочника». Любопытно, что у обоих знаменитых «черноземных» писателей матери были сильными, волевыми натурами, а отцы пускались в загулы и проматывали нажитое.

Сам Пришвин никаким имуществом не обрстал - любил свою скромную деревенскую жизнь, а на Дунино разве что не молился. «Я видел на

свете много своих земель и чужих, но краше нашего Дунина нигде ничего не видел».

Привлекательность места в верховьях Москвы-реки отмечали все, кто у Пришвина побывал. Паустовский в сельце, кажется, не был, но чувствуется, понимал значение образа жизни Пришвина в писательском деле и тоже хотел жить в деревне. Говорят, собирался даже купить дом в Дуние. Но, видно, не суждено было двум «певцам природы» жить рядом. Паустовский, тоже счастливо, поселился в Тарусе.

В мемориальном музее главная ценность - подлинность всего: построек, вещей, документов, одежды. В Михайловском я спросил Семена Степановича Гейченко: «А к чему в этом убедительно подлинном жилье поэта прикасалась рука Пушкина?» Собеседник заговорщицки наклонился к моему уху: видишь три бильярдных шара? Только они «помнят Пушкина».

В дунинском Доме всё подлинное, ко всему хозяин тут прикасался. Вот у входа охотничьи сапоги - сколько болотной жижи они измеси! Пришвин даже писал о них. Вот поношенное меховое пальто. Во время войны писателям раздавали американские подарки, иронично именовавшиеся «вторым фронтом». Пришвину досталось пальто, а кто-то из пишущих, рассказывал он, получил калоши. Вот стульчик с полотняным сиденьем на палке, которую надо было втыкать в землю. Вот самоварчик, с которым Пришвин начинал день, когда в доме все еще спали. Вот пишущая машинка величиною с толстую книгу. Не спросил, сам ли Пришвин на ней печатал, но знаю: записи делал карандашом и любил доводить остаток этого инструмента до размера в половину мизинца. В углу - два шкафа, в которых уместилась домашняя библиотека. В ней только «вечные спутники» - Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов, Шекспир, да еще словари, описанья устройства автомобилей и книги по фотографии. Остальное на склоне лет Пришвин из библиотеки своей удалил. Против стола - железная кровать, сразу же напоминающая такую же в Ясной Поляне. Тумбочка, корзина для сбора грибов. И самые важные экспонаты - ружья, бинокль, охотничья сумка, фотокамера с набором оптики, бачки, ванночки и другие «причиндалы» по фотографии. Всё это было в работе, всё отслужило свое и обрело значительность в этом доме.

Жил Пришвин скромно - «как все». Обо всем, что было под крышей, говорил улыбаясь: «Моих вещей нет, но в лесу деревья, цветы, облака... - это всё моё».

Со смотрителем музея Лилей Рязановой мы стали вспоминать, кем бы в жизни мог быть хозяин Дома. От судьбы агронома он добровольно и решительно отказался. Профессия его главная - литератор. Но этому много всего сопутствовало. Например, охота. Всю жизнь Михаил Михайлович охотником был заядлым, неутомимым. В трудные годы после революции

охота кормила - зайчишки, тетерева, болотная дичь. Но с самого начала главная его добыча помещалась не в охотничьей сумке, а в записной книжке, для которой на внутренней стороне куртки был сделан специальный карман. Охота для писателя в первую очередь была хорошим поводом пребывания в природе. Вспоминая одно свое весеннее путешествие с ружьями, он пишет: «Подсчитал: за восемьдесят дней прошел две с половиной тысячи километров».

Из охотничьих впечатлений «прорастали» все первые рассказы писателя. По охоте он мучительно тосковал, находясь в городе. Любимым в году месяцем был для него апрель, когда всё летит, прибывает, вальдшнепы начинают тянуть. «А прилетели соловьи и кукушки - весна для охотника кончилась». Но Пришвин нашел способ делать охоту доступной весь год. Но не с ружьем, с фотокамерой - всё та же страсть, та же возможность всё наблюдать, запоминать и даже хранить в картинках увиденное. Пришвин был, возможно, самым первым нашим фотоохотником. Понимая толк в «светописи», снимал он много и увлеченно. Его снимками украшены стены дома. Некоторые книги выходили с собственными фотографиями. В дневнике его находим строчки: «До того я увлекся охотой с камерой, что сплю и всё жду - поскорей бы опять светозарное утро».

Живя у реки, Михаил Михайлович, конечно, иногда приходил к воде с удочками. Но рыболовом страстным не стал. С улыбкой в дневнике им отмечено: «Почему-то рыбаки выглядят интеллигентнее охотников».

Еще одним большим увлечением был у Пришвина автомобиль. «Средство передвиженья! Сел - и вот уже в нужном месте!» Михаил Михайлович прекрасно освоил шоферское дело - сам водил, сам кое-что ремонтировал в «средстве передвиженья». От первого грузовичка с кузовом, оборудованным для походного жития, он отказался - слишком громоздким был «дом на колесах». Написав Молотову, Пришвин попросил помочь ему купить «эмку». Дело это перед войной было очень нелегким, но Пришвину пошли навстречу. Все «эмки» в военное время конфисковали для армии, но Пришвину оставили. А после войны завел он «Москвич», который любил, за которым ухаживал, как за ребенком, ласково называя машину «Машей».

Зоологом Михаил Михайлович не был, хотя поведение некоторых животных знал хорошо. Его задачей было черпать в природе красоту, наблюдать её тайны и, обрабатывая на «жерновах осмысленья», нести читателю. Образование, полученное на философском факультете университета, помогало Пришвину в осмыслении жизни как самой важной ценности для людей.

Среди гостей Дома в Дунине бывало немало людей, для которых образ жизни писателя и мир его представлений о жизни был притягательно-интересным. Частым гостем Дунина был академик Леонид Петрович Капица,

приезжавший с женой. О беседах с ним сам Пришвин в дневнике вспоминал так: «С Капицами чувствую себя неловко, потому что уважают меня авансом. Боишься не оправдать этих авансов, и это стеснительно. Однажды академик спросил: «Когда вы были счастливы и как?» - Я ответил, что считаю счастливым каждое утро каждого дня... «Конечно, независимо ни от кого...» «Вот, вот, - подхватил я, - счастье в независимости».

А в каком-то месте своих дневниковых заметок Пришвин пишет о наслаждении говорить по душам с простым мужиком, но умным и добрым.

Теперь время сказать о человеке, без которого житье Пришвина в Дунине счастливым бы не было.

В юности Михаил Михайлович был обожжен неразделенной любовью. Чтобы заглушить боль, поспешно женился. Родились двое детей. Но желанного союза с избранницей не получилось - слишком разными были люди... И до шестидесяти семи лет Михаил Михайлович жил бобылем, не теряя надежды встретить желанного Друга. Поздновато. Но желанную встречу «певцу природы» судьба все-таки подарила. Избраннице было сорок. Союз со столь большой разницей в возрасте обычно вызывает усмешки - хеппи-энд случается исключительно редко. Но тут исключение состоялось! Встретились два любящих сердца, два единомышленника, два человека, глубоко уважающие друг друга и понимавшие с полуслова.

Звали избранницу Валерия Дмитриевна. (Пришвин по домашнему называл ее Лелей, в дневнике - Л. или Друг.)

Проверка на прочность союзу этому была не нужна - прочность обозначилась сразу и окрепла в трудные годы войны. Леля стала хорошей хозяйкой в Доме - на её плечи сразу легли заботы житейские и всё, что связано было с творчеством Пришвина. Она была секретарем и первым читателем всего, что выходило из-под его карандаша, была она первым и самым доброжелательным критиком, хорошо понимавшим все радости и заботы своеобразной жизни человека-художника. Она сразу поняла и приняла его интересы и особое отношение Пришвина ко всему, чего касалось чуткое его сердце и беспокойный пытливый ум. И это была еще не растратившая чувств душа.

Об отношениях этих людей можно было бы написать романтическую повесть. Но сама Валерия Дмитриевна обладала прекрасным даром писателя, обнаружив его в книге «Наш Дом», написанной после кончины Пришвина. Книга издавалась два раза и будет издаваться еще как урок мудрости в отношениях людей. Несколько строк Лели о своем избраннике с седой головой, но молодым сердцем. «Не для отдыха жил он [Пришвин] свои последние годы в Дунине. Он жил в природе, как ученый живет в лаборатории - это была его мастерская. И не о самой природе писал, а о природе человека,

не позволял себе ни минуты передышки». Это все хорошо понимала Валерия Дмитриевна. Ей же принадлежит поправка к расхожим словам «певец природы». Она писала: слова эти верные, но поверхностные и это не всё, что следует знать о Пришвине, который не только боготворил природу, но всю свою жизнь «наводил мосты» между природой и духовным миром людей. Все это хорошо сказано вслед за скульптором Коненковым, написавшим: «Пришвинская философская проза на всех действует благотворно; она очищает, осветляет душу». А вот слова Горького (в письме из Неаполя в 1926 году): «Я очень люблю Ваш талант... Вы для меня - большой и настоящий русский человек, образцово и отлично русский».

Умер Михаил Михайлович на 81-м году после тяжелой болезни. Умер на руках Валерии Дмитриевны, завещая доделать что сам не успел. А писательское его наследство было большим: незавершенные планы издания книг, а главное - подготовка к изданию Дневников, которые вел он, не пропуская ни одного (!) дня, десятки лет.

Главной книгой своей Пришвин считал «Дневник». Вёл он его много лет, не пропуская ни единого дня.

Во время войны в эвакуации в поисках «хоть что-нибудь почитать» я рылся в ящике с бумагами и обнаружил книжку без обложки и титульного листа. Начал читать и не мог оторваться от рассказов об охоте, о лесе, зверях и птицах. Всё крепко осело в молодой памяти. А в 50-х годах, читая книгу за книгой подписного издания, вдруг обнаружил восхитившие в детстве страницы. Это был «Календарь природы» Пришвина.

Михаил Михайлович навсегда подарил нам много замечательных книг, все перечислить сейчас невозможно. Назовём лишь то, что многим известно: «Кладовая солнца», «Кашеева цепь», «Календарь природы», «Золотой луг», «Лесная капель», «Осударева дорога»...

Главной книгой своей Пришвин считал «Дневник». Вёл он его много лет, не пропуская ни единого дня. Вести аккуратно дневник большинству не по силам. Я пробовал - не получилось, за день намахнешься так, что делать какие-то записи перед сном уже невозможно. Пришвин выход нашёл. Он записывал итоги дня не вечером, а утром, когда голова свежая. И это стало потребностью жизни. Был Пришвин «жаворонком» - просыпался к восходу солнца и тихо - не разбудить никого в доме - спешил к самовару. «Чашка чая будит мысли», - говорил Лев Толстой. Пришвин тоже сделал это открытие. Всё, что было вчера, послушно ложилось на лист бумаги. Часто записки Пришвин делал в лесу, возле утреннего костра, а дома аккуратно переносил записи из карманной книжки в большую тетрадь - «пришпиливал прожитый день», как он говорил.

Дневников разных людей опубликовано много. Иные читаешь с большим вниманием и интересом. В других часто ничего нет, кроме громкого

имени их написавшего. Например, дневники царя Николая Второго пестрят словами: «хлыщали...», «стреляли ворон...». Углубиться в такие записи - значит постигнуть духовную бедность писавшего их человека.

Дневники Пришвина - это запись событий, встреч, происшествий, интересных наблюдений природы, но, главное, это постоянная работа ума, осмысление всего увиденного, определение своей позиции в происходящем.

Пришвин понимал ценность этой непрерывной работы ума и наблюдений. Еще до революции он спас свой Дневник во время пожара в деревне, вбежал в горевшую избу и выхватил из огня заветную тетрадь. «Всё дочиста сгорело, но слова мои не сгорели».

Дневник с годами стал потребностью жизни писателя. Он места не находил, если утром «не пришил» вчерашний день. «Большой частью это короткие заметки. Пришвин четко определял их место в своем творчестве: «Я написал несколько томов Дневника (19 томов!), драгоценных книг на время после моей смерти. Мне, однако, остаётся большая работа для отделки этих книг», - вспоминает о друге жизни своей Валерия Дмитриевна Пришвина. Увы, Михаил Михайлович, «обмолотив» урожай наблюдений и размышлений, «провеять» намолот не успел. Дело это взялась исполнить сама Валерия Дмитриевна и созданная ею «бригада» преданных Пришвину читателей-почитателей - работников Дома-музея. Первые среди них - Лилия Александровна Рязанова и Яна Гришина. Обдумывая работу над Дневником, «бригада пришвинцев» решила первое издание записей сделать «не причёсанным», а таким, как были сделаны они рукою Михаила Михайловича. Во-первых, это живое свидетельство драматических лет нашей жизни и кладовая, из которой писатель брал материал для своих сочинений. Еще: в Дневнике виден яркий, интересный человек с его работой ума и сердца. Вышло уже восемь томов Дневника, выйдет еще одиннадцать. А затем уже можно «провеять» обмолоченный урожай жизни для широкого круга читателей.

Каюсь, я прочел не все уже изданные книги Дневника, но надеюсь успеть это сделать. Все записи еще в рукописи прочла Валерия Дмитриевна, помечая особо тронувшие её места. И каждый читатель тоже будет открывать Дневник «своим ключиком».

Несомненно, всех особо будут интересовать свидетельства нашей недавней истории, толкуемые так и сяк в сутолоке нынешних дней.

Пришвин был философом и постоянно себе (и нам!) напоминал о главных ценностях бытия. Для него самого жизнь была главным подарком каждому человеку. И постоянно звучит во всем им написанном любовь к Родине. «Быть русским, любить Родину - это духовное состояние». «По правде своё «Я» сказать можно только на родном языке». «Ни за что в мире не отдам

счастья общения с незнакомым русским человеком как с родным». И понятие об Отечестве у Пришвина непременно связано с природой: «Защищать природу - значит защищать Родину».

Природу писатель учит нас любить постоянно, видеть в ней источник духовной жизни людей. Он никогда не отделяет человека от всего живого, что нас окружает, напротив, всё время укрепляет этот союз. 4 июля 1948 года он записал: «Мелькает мысль, чтобы бросить всё лишнее - машину, ружья, собак, фотографию и заниматься только тем, чтобы свести концы с концами, то есть написать о себе со всеми дневниками». «Не будет преувеличением сказать, что Михаил Михайлович в какой-то степени жил своим Дневником - это было его второе отраженное существование», - пишет Валерия Дмитриевна.

Особые страницы в ежедневных писаньях - стремление человека остаться самим собой в сложных переплетениях жизни, не потерять себя, не отпустить вожжи своей судьбы. Для него самого это была борьба нешуточная. 30-е годы - время, когда дымящая заводская труба была и символом эстетическим. Каково было писателю пробиваться на страницы газет и журналов со своими зайцами, лисами и ежами, с воспеваньем лесов, полей и лугов? «Напишешь о самолёте - поместят на первой странице журнала, напишешь о летящем журавле - на последней», - замечает он в Дневнике. Но не сдаётся! «1953 г., июнь... Как нелегко жилось, как удалось уцелеть! А я хочу все-таки в автобиографии представить жизнь эту как счастливую. И сделаю это, потому что касался в творчестве природы, знал, что жизнь есть счастье».

Найдем в Дневнике Пришвина мы много образов яркой народной речи, народной мудрости, тонких наблюдений природы, забавных случаев, юмора. «Михаил! Послушай наш совет... Не вяжись ты ни с каким имуществом!» - записывает Пришвин совет мысленно опрошенных им друзей. И тут же часть разговора с человеком реальным: «Не заводи собственность - это хомут»... И запись о природе. «Услышал под снегом - мышь грызла корень». «Октябрь. Тихо. Между деревьями синим столбом поднимается прямой дым. С самого утра комарики мак толкут».

А вот казус, пережитый Пришвиным. На Москве-реке близ санатория «Поречье» окружила его толпа читателей-почитателей. И когда все вместе зашли в вестибюль санатория, неразряженное ружье Пришвина вдруг выстрелило. Никто не пострадал, но легко представить себе состояние бывалого и прославленного охотника, нарушившего главный закон охотничьей этики. Пришвин всё это Дневнику доверяет.

А вот случай в селе Усолье за Переславлем Залесским, где Пришвины жили во время войны и кормились тем, что Михаил Михайлович ходил по деревням, делал «фотки». Однажды с фронта за какой-то подвиг в родное село на неделю отпустили солдата с орденом на груди. Он, конечно, пожелал сняться. Фотограф в тесноте у окошка никак не мог поместить в рамку камеры

всё, что нужно, и сказал: либо голову придётся чуть срезать, либо орден не будет виден... «Режь голову!» - выпалил фронтовик.

Юмор Михаил Михайлович называл отдыхом на пути жизненных трудностей. И сам в Дневнике частенько шутил. Вот, например, история, как бросил курить. Надо было как-нибудь исхитриться, забыть дурную привычку. «И вдруг мне пришло в голову с самим табаком заключить Договор. Я вернулся домой и записал: «Договор с табаком - год, месяц, число... Табак освобождает меня от курения навсегда. Я обещаю и клянусь никогда никому не говорить о вреде табака». Далее следует рассуждение о муках, на которые обрек его Договор. Но нарушить соглашение не решился. Тут уместно было бы привести намытых из чистого ручья дневников «золотинок» - веселых заметок, точных наблюдений и мыслей. Но пора ставить точку, назовём лишь известные теперь всем: «Неодетая весна», «Весна света, весна воды, весна травы». Слова эти сказаны Пришвиным.

1954 год. Декабрь. Пришвин тяжело болен. С трудом поднялся поглядеть в окно - что там в миру? И опять за Дневник. Последняя запись: «День серый от неба и до земли пришел и стал. Не спеши, Михаил, - сказал я себе. А самому дню приказал: погоди! Не трогай, пока не отпишусь, теперь утро, ты еще в моих руках!» На этом большой Дневник, большая яркая жизнь обрываются.

Пришвин ценил внимание к себе читателей, и ему приятно было бы знать, что недавно учреждена премия его имени. Впервые, три года назад, её присудили нашему с вами «Окну», а в минувшем году премию получил журнал «Муравейник», который Михаилу Михайловичу понравился бы уже своим названием.

В. Песков